
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

УДК 177

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-5-234-249>

Софийная этика как синтез традиции и инновации

В. Г. Буданов¹

¹ Институт философии Российской академии наук
ул. Гончарная, д. 12/1, г. Москва 109240, Российская Федерация

 e-mail: budsyn@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях распадных процессов западной цивилизации и возрождения великих цивилизаций Востока актуальным становится вопрос о сохранении и восстановлении традиционных форм культуры, этики, религии основных субъектов мирового развития, в первую очередь России.

Цель – выявить механизмы существования традиции в потоке истории, предложить способы сохранения и адаптации традиции в современных условиях кризисного мира.

Задачи: разработать и обосновать методы применения поддержания и адаптации традиции в современных цивилизационных процессах.

Методология. При рассмотрении эффективности применимости Софийного ключа к традиционным учениям использовался сравнительный, философско-методологический анализ, культурно-исторический анализ и прогностические подходы.

Результаты. Обосновано применение ранее нами введенного Софийного ключа как метода диагностики полноты или редуцированности в жизненных мирах традиционных практик. Найдено расширение Софийного ключа и его пополнение по мере прохождения Большого антропологического перехода. Вводится новый концепт «временная капсула» как сообщество тесно взаимодействующих людей всех одновременно живущих поколений, что позволяет диагносцировать и компенсировать цивилизационные разломы на уровне семьи и других социальных и цивилизационных целостностей. Предложена софийная цивилизационная матрица, презентирующая полуколичественное описание семи базовых элементов ключа, отношение к ним человека и динамику изменений цивилизационной матрицы.

Выводы. Дополнение любого традиционного целостного мировоззренческого учения или религии использованием методологии Софийного ключа позволяет диагносцировать и прогнозировать процессы укорененности, деградации или укрепления традиции, что крайне важно в условиях повсеместной утраты ценностей и смыслов бытия в современном кризисном мире.

Ключевые слова: традиция; временная капсула; Софийный ключ; цивилизация; историческая память; антропология; ценности; Большой антропологический переход.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Буданов В. Г. Софийная этика как синтез традиции и инновации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 5. С. 234–249. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-5-234-249>

Поступила в редакцию 10.08.2025

Принята к публикации 08.09.2025

Опубликована 31.10.2025

© Буданов В. Г., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент / Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2025;15(5):234–249

Sophia Ethics as a synthesis of tradition and innovation

Vladimir G. Budanov¹

¹ Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation

✉ e-mail: budsyn@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the context of the disintegration processes of Western civilization and the revival of the great civilizations of the East, the issue of preserving and restoring traditional forms of culture, ethics, and religion of the main subjects of world development, primarily Russia, is becoming urgent.

The purpose is to identify the mechanisms of the tradition's existence in the flow of history, to propose ways to preserve and adapt the tradition in the modern conditions of the crisis world.

Objectives: To develop and substantiate methods of applying the maintenance and adaptation of tradition in modern civilizational processes.

Methodology. Comparative, philosophical and methodological analysis, cultural and historical analysis, and predictive approaches were used to examine the effectiveness of the application of the Sophia key to traditional teachings.

Results. The use of the previously introduced Sophia Key as a method of diagnosing completeness or reduction in the life worlds of traditional practices is justified. An extension of the Sophia Key has been found and its replenishment as the Great Anthropological Transition progresses. The new concept of a "time capsule" is being introduced as a community of closely interacting people of all living generations, which makes it possible to diagnose and compensate for civilizational rifts at the level of the family and other social and civilizational entities. A Sophia civilizational matrix is proposed, presenting a semi-quantitative description of the seven basic elements of the key, the attitude of a person towards them and the dynamics of changes in the civilizational matrix.

Conclusions. The addition of any traditional holistic worldview teaching or religion using the methodology of the Sophia Key makes it possible to diagnose and predict the processes of rooting, degradation or strengthening of tradition, which is extremely important in the context of the widespread loss of values and meanings of being in the modern crisis world.

Keywords: tradition; time capsule; Sophia Key; civilization; historical memory; anthropology; values; Great Anthropological Transition.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Budanov V.G. Sophia Ethics as a synthesis of tradition and innovation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2025;15(5):234–249. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-5-234-249>

Received 10.08.2025

Accepted 08.09.2025

Published 31.10.2025

Введение

В условиях глобального цивилизационного кризиса особую актуальность приобретает поиск этических оснований, способных обеспечить гармоничное прохождение человечеством Большого антропологического перехода. Традиционные этические системы, сформированные в рамках отдельных культур и религий, оказываются недостаточными перед лицом глобальных вызовов. Западная стратегия глобализации, унифи-

цирующая культуры и личности, вызывает протест большинства наций и государств. Возникает необходимость новой поликультурной концепции глобализации (не путать с мультикультурализмом, призывающим к толерантности – терпимости, а не любви между народами), гармонизирующей коммуникацию, цели и ценности многих субъектов мирового развития, что возможно лишь при создании новой интегральной этики, способной синтезировать мудрость различных

традиций и одновременно отвечать на вызовы современности [1].

Многие духовные учения и мировоззрения созданы давно или очень давно. Зададимся вопросом, коль скоро заявлено возвращение к традиционным формам настоящего и будущего уклада жизни, как им удается следовать через века, в чем и состоит живая традиция культуры, которая всегда сопряжена с инновациями. Причем это могут быть не только мировые религии, но и национальные и этнические религии и верования и даже политические и идеологические системы. Мы здесь не затрагиваем само содержание религий и учений, но описываем многомерное пространство их реализаций, общее для всех, но имеющее свои специфические ландшафты для каждого мировоззренческого направления.

Для ответа на актуальные проблемы существования традиций в современных условиях в исследовании стоят следующие цели:

- выявить механизмы существования традиции в потоке истории;
- предложить способы сохранения и адаптации традиции в современных условиях кризисного мира.

Достижение поставленных целей осуществляется через решение следующих задач: разработать и обосновать методы применения поддержания и адаптации традиции в современных цивилизационных процессах.

Материалы и методы

В работе использованы ранее развитые автором концепции интегральной этики и Софийного ключа для представления функционирования этических систем в жизненных пространствах человека. При рассмотрении эффективности применимости Софийного ключа к традиционным учениям использовался сравнительный и цивилизационный анализ, при построении представлений о динамике традиций через концепцию капсулы времени использовался культурно-исто-

рический и философско-методологический анализ, а также прогностические подходы в большой истории.

Результаты и их обсуждение

Нам кажется сегодня важным ставить вопрос о дополнении классических учебников по этике [2] новой **концепцией Софийного ключа** как универсального основания реализации любой этики в жизни человека и общества. Напомним, что концепция Софийного ключа, предложенного нами, представляет собой попытку создания такой интегральной этической системы, в которой ключ универсален для всех традиций, но этическое ядро традиции им не затрагивается, а описывается форма ее укоренения в жизненных мирах человека. Она основывается на выделении базовых категорий человеческого существования – *Высшее и Низшее, Прошлое и Будущее, Внутреннее и Внешнее* – и соответствующих им категориальных отношений. Эта система не является жестко фиксированной, но представляет собой динамическую матрицу, способную адаптироваться к различным культурным контекстам и историческим условиям. Софийный ключ задает наиболее целостный образ отношения человека и реальности, позволяет вводить метрические характеристики компонент ключа, тем самым редуцируя его до любых известных форм этики [3]. Это означает, что различные этические системы могут быть поняты как частные случаи или проекции более общей этической структуры, представленной Софийным ключом.

Ключевым элементом Софийного ключа является понимание того, что этические отношения не могут быть сведены к жесткому набору правил или заповедей, которые всегда контекстуально зависимы и строго логически противоречивы. Речь идет о живой, динамичной системе, в которой каждое отношение находится в состоянии постоянного становления и переосмысливания. Отношение к Высшему

через Веру и Почитание не означает слепого подчинения доктринам, но предполагает активное духовное усилие по постижению трансцендентного измерения бытия [4]. Концепция Софийного ключа находит параллели в различных философских и религиозных традициях. В христианской традиции она резонирует с идеей Софии – Премудрости Божией, которая выступает как посредник между трансцендентным и имманентным, божественным и человеческим [5]. В восточных традициях можно найти аналогии в

концепции дао как пути гармонии между противоположностями, в буддийской идеи срединного пути [6].

Отметим также, что концепция Софийного ключа уже содержится в христианской традиции, и ее генезис описан нами ранее в [3], так же как и перспективы ее модификации на ближайшие десятилетия [4]. Софийный ключ можно представить графически, в виде шестиконечного объемного креста, вершины которого задают базовые категории, а лучи – отношение личности к этим категориям (рис. 1).

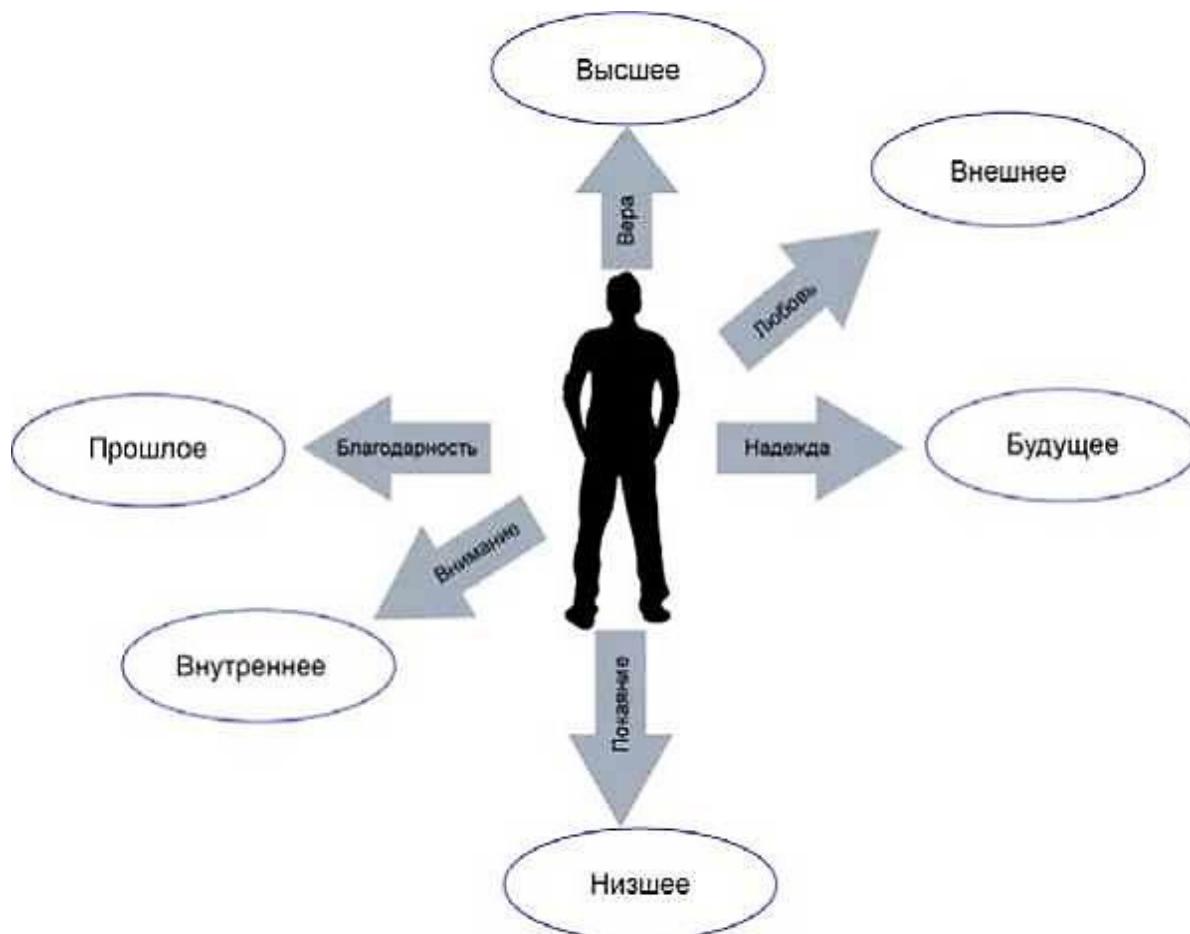

Рис. 1. Символическое представление базовых отношений в православном христианстве

В христианской традиции так принято относиться к базовым категориям в модусе назидания и указания типичных уклонений:

1. К Высшему – с Верой, а мы – с сомнениями.
2. К Низшему – с Покаянием, а мы – с любопытством.

3. К Будущему – с Надеждой, а мы – со страхом.

4. К Прошлому – с Благодарностью, а мы – с сожалением.

5. К Душе своей (внутреннему) – со Вниманием, а мы – с безразличием.

6. К Миру (внешнему) – с Любовью, а мы – с недоверием.

7. К *Настоящему* – с *Ответственностью*, а мы – с легкомыслием.

Помимо принятых шести категорий православного антропологического ландшафта мы добавили еще одну важную базовую категорию «Настоящее», в которой собираются и осуществляются все предыдущие шесть отношений к миру, в настоящем происходит осмысление и принятие решений, именно поэтому графически «Настоящее» располагается в центре шестиконечного креста как место сборки и изменений самого ключа.

Подчеркнем очень важное назначение и смысл Софийского ключа, который не замещает, но дополняет принятые этики способами реализации их в традиции:

– во-первых, он применим к любой традиции или учению, будь то мировые или региональные религии или мировидения, поскольку ни в коем случае не заменяет и не обсуждает конкретных ценностей и форм проявления высокого и низкого, носящих культурно-исторические и региональные особенности, и в этом смысле он универсален;

– во-вторых, Софийский ключ говорит о способе бытия человека в умвельтах или осях времен, пространств (внешних и внутренних) и ценностей (высших и низших), которые могут быть совершенно разными в разных конкретных культурных и исторических условиях.

Модальности времен этического существования

Особое значение в структуре Софийского ключа имеет временное измерение этики. Отношение к *Прошлому* через *Благодарность* и *Понимание* позволяет человеку укорениться в традиции, не становясь при этом ее рабом [3]. Благодарность здесь понимается не как некритическое принятие всего исторического наследия, но как способность видеть в прошлом источник мудрости и опыта, даже когда этот опыт является негативным. Современная культура часто страдает от исторической амнезии, от стремления начать все с чистого листа, отвергнув груз прошлого.

Однако такой подход ведет к потере культурной идентичности и повторению исторических ошибок. Софийный ключ предлагает диалектический подход к прошлому, сочетающий критическое осмысление с признанием его формирующей роли в становлении настоящего [4].

Отношение к *Будущему* через *Надежду* и *Созидание* представляет собой активную, творческую позицию. В отличие от пассивного ожидания или утопического прожектерства такое отношение предполагает ответственное участие в создании будущего. Надежда здесь не означает наивного оптимизма, но представляет собой экзистенциальную установку на возможность позитивных изменений, подкрепленную готовностью к действию [3]. Обратим внимание, что практики активного созидания будущего начались с эпохи Просвещения, когда человек окончательно возомнил себя демиургом мироздания, что породило идеи прогресса и создания техногенной цивилизации, хотя привело и к пониманию своей ответственности за будущее. Подчеркнем необыкновенную скорость изменения онтологических образов будущего, в котором еще 50-30 лет назад представления о грядущем информационном обществе были совершенно оптимистичными. Уже в 60-80 годы XX века были глубокие предсказания о постиндустриальном обществе как обществе услуг по Д. Беллу (1973) [7], как мировой деревне в связи с повсеместным распространением электронных средств коммуникации М. Маклюэн (1962) [8], приходом информационного общества на смену постиндустриальному, в котором характерной ценностью будет время и произведенная информация Е. Масуда (1983) [9] и А. Тоффлер (1980) [10]. Наиболее полное понимание возможностей сетевой информационной революции находим только на рубеже XXI века у М. Кастельса (2000) [11].

Несмотря на бурное развитие информационных технологий и футуроло-

гических прогнозов о новом технологическом укладе, тема искусственного интеллекта все еще была заморожена, ее оживление произойдет только в 2010-х годах в связи с увеличением компьютерных мощностей и открытием алгоритмов глубокого обучения нейросетей, а центральной она станет в 2020-х, когда тема сосуществования с суперИИ и рисками «расчеловечивания» станет основным цивилизационным вызовом.

Особую важность приобретает категория *Настоящего*, понимаемого не просто как точка между прошлым и будущим, но как место встречи всех временных модальностей. В настоящем моменте сходятся память о прошлом, проекция будущего и непосредственное переживание бытия. Этика настоящего момента требует особой бдительности и осознанности, способности удерживать в сознании множественность временных перспектив [4]. В этот момент происходит постоянная пересборка и остальных шести модусов Софийного ключа, не всегда осознанно, но могут меняться удельные веса этих лучей, да и их содержание, здесь же эмерджентно рождаются инновация и ценная информация в творчестве. Временная структура этики связана также с концепцией кайроса – особого, качественного времени, в отличие от хроноса – количественного, механического времени. Кайрос – это момент, когда открывается возможность для этического действия, когда человек может сделать выбор, определяющий его дальнейшую судьбу. В эпоху Большого антропологического перехода человечество переживает глобальный кайрос – фазу, когда от коллективного выбора зависит будущее цивилизации [12].

Пространственные измерения этики: внутреннее и внешнее

Диалектика внутреннего и внешнего представляет собой еще одно фундаментальное измерение этической системы. Отношение к собственной *Душе* через

Внимание и Преобразование составляет основу духовной практики. В эпоху тотальной экстериоризации, когда внимание человека постоянно направлено вовне на потоки информации и внешние стимулы, способность к внутреннему сосредоточению становится редким и ценным качеством [4]. Внимание к внутреннему миру не означает эгоцентризма или нарциссизма, оно может быть и рефлексивным, и критичным. Напротив, только через глубокое понимание собственной природы человек способен к подлинному пониманию других. Преобразование внутреннего мира является необходимым условием для позитивного воздействия на внешний мир. Как говорится в древней мудрости, «измени себя – и мир изменится».

Отношение к *Миру* через *Безусловную любовь* представляет собой высшую форму этического отношения. Безусловная любовь не означает слепого принятия всего существующего, но предполагает способность видеть в каждом существе и явлении его глубинную ценность и потенциал [3]. Это отношение основывается на понимании фундаментальной взаимосвязанности всего сущего, на признании того, что благо целого неотделимо от блага каждой его части. В современном мире, разорванном конфликтами и противоречиями, принцип безусловной любви может показаться утопичным. Однако именно он представляет собой единственную альтернативу логике взаимного уничтожения. Как отмечают исследователи, «только через культивирование безусловной любви и сострадания человечество может преодолеть деструктивные тенденции и выйти на новый уровень развития» [13].

Метаэтические ландшафты и карточка ценностей

Концепция метаэтических ландшафтов, разработанная в наших предыдущих работах, представляет собой инновационный подход к анализу и сравнению различных этических систем [14]. Ме-

таэтический ландшафт – это многомерное пространство, в котором каждая этическая система представлена как особая конфигурация отношений к базовым категориям существования.

Используя метафору ландшафта, можно визуализировать этические системы как рельеф с вершинами и впадинами, где вершины соответствуют акцентированным ценностям, а впадины – игнорируемым или подавляемым аспектам. Например, «современная либеральная этика характеризуется высокими пиками в области индивидуальной свободы и прав человека, но глубокими впадинами в области коллективной ответственности и духовных ценностей» [14].

Анализ метаэтических ландшафтов позволяет выявить структурные особенности различных этических систем и прогнозировать их эволюцию. Каждая этическая система стремится к определенному аттрактору – устойчивой конфигурации ценностей, которая определяется культурными, историческими и социальными факторами. Понимание этих аттракторов критически важно для межкультурного диалога и поиска общих этических оснований [3].

В контексте Большого антропологического перехода особое значение приобретает динамика метаэтических ландшафтов. Мы наблюдаем процессы «тектонических сдвигов» в ценностных системах, когда традиционные конфигурации становятся неустойчивыми и возникают новые паттерны организации этического пространства. Эти процессы сопровождаются периодами хаоса и дезориентации, но также открывают возможности для творческого синтеза и появления новых этических парадигм [15].

Этика сложности и ответственности в условиях неопределенности

Этика сложности представляет собой новое направление этической мысли, которое исходит из признания фундаментальной сложности и неопределенности

современного мира. В отличие от традиционных этических систем, основанных на ясных правилах и принципах, этика сложности признает, что в сложных системах последствия действий часто не предсказуемы и могут быть противоположны намерениям [16].

Эдгар Морен формулирует принцип «экологии действия»: как только действие начинается, оно выходит из-под контроля действующего и включается в сложную сеть взаимодействий, которые могут изменить или даже извернуть его первоначальный смысл [16]. Это означает, что этическая ответственность не может быть сведена к благим намерениям, но должна учитывать системные эффекты и непредвиденные последствия.

В условиях сложности возрастает значение принципа предосторожности. Когда последствия действий не могут быть точно предсказаны, необходимо действовать с особой осторожностью, учитывая возможные риски и негативные сценарии. Однако принцип предосторожности не должен парализовать действие – в условиях кризиса бездействие также является выбором с потенциально катастрофическими последствиями [13].

Этика сложности требует развития новых когнитивных и эмоциональных компетенций. Человек должен научиться мыслить в терминах вероятностей и сценариев, удерживать в сознании множественность перспектив, быть готовым к пересмотру своих убеждений в свете новой информации. Эмоционально это требует способности жить с неопределенностью, не впадая в панику или апатию [4].

Софийный ключ после Большого антропологического перехода

Исходя из приведенного анализа современных особенностей этических модусов ключа, следует, что в посткризисном будущем Софийный ключ пополняется в отношениях к базовым категориям модусами большей *Осознанности* и *Творчества*, что дает защищенность от

повторных кризисов, кризисов уклонения и непонимания высшего замысла о человеке и обществе.

Итак, Софийный ключ можно интерпретировать для глобального посткризисного мира следующим образом [1]:

1. К Высшему – с Верой и Почитанием.

2. К Низшему – с Осмыслиением и Покаянием.

3. К Будущему – с Надеждой и Созданием.

4. К Прошлому – с Благодарностью и Пониманием.

5. К Душе своей (внутреннему) – со Вниманием и Преобразлением.

6. К Миру (внешнему) – с Безусловной любовью.

7. К Настоящему – с Чистотой и Ответственностью.

Традиция

В привычном понимании традиция – это сложившаяся анонимно, в результате накопленного опыта система норм, представлений, правил и образцов, которой руководствуется в своём поведении довольно обширная и стабильная группа людей, чаще всего речь о нескольких поколениях. Однако от масштаба времени также задает масштаб и тип традиции: наиболее древняя – это видовая (всечеловеческая, почти бессознательная), затем языковая, затем этническая, национальная, семейная и т. д., но есть и накрывающие исторические образования типа: традиции империй и цивилизаций, но самые долгоживущие – это религиозные традиции, которые веками оформляли этики народов, представления о благе, табу и базовые нормы и ценности. Светская традиция обычно относится к общей памяти в нескольких поколениях или нескольких циклах социальной практики, типа школьной или студенческой традиции, часто закрепляемых в праздниках и почитаемых датах, что облегчает воспроизведение ее архетипов как в персональной памяти, так и повседневных практи-

ках. Даже моду в популярной музыке или стилях одежды можно назвать мимолетной традицией. Конечно, нас в первую очередь интересуют долгопериодные традиции, более всего страдающие и определяющие общецивилизационные кризисы.

Особенность нашего времени это завершения эпохи модерна связана с ускоряющейся деконструкцией и релятивизацией норм и ценностей западного либерализма, т. е. традиции распадаются, не успев оформиться, люди утрачивают связь времен и поколений в хаосе декаданса, т. к. конфликт поколений больше не разрешается в общей традиции, но приводит к неизлечимой коммуникативной травме атомизации общества. Именно поэтому путь оздоровления общественной жизни видится в возрождении традиционных ценностей, что заявлено как стратегия социальной жизни России и стран БРИКС. Здесь крайне важно понимать, что традиции являются регулятивами жизни общества, и сами традиции имеют иерархические отношения и генетические связи между собой. Так, самыми общими наиболее долгоживущими параметрами порядка на сегодня все еще являются этики, рожденные мировыми религиями. Даже войны по сути продолжают носить религиозный характер.

С эпохи Просвещения ценности и практики христианства размывается в западном мире, хотя светские гуманистические принципы Европы и Америки порождены христианством и пока еще не полностью деградировали. Поэтому возрождение традиционной культуры является в первую очередь возвращением религиозной и светской духовности в жизнь людей, отходом от рационалистической pragmatically-потребительской культуры и индустрии развлечений к ценностям и практикам внутренней жизни, любви и творчества. Подчеркнем, что речь не идет об отказе от рациональности, внешней активности и эффективности, созданных техногенной цивилизацией (так, напри-

мер, наука также стала традицией современности), но о дополнении их принципами духовной жизни, работы со своим внутренним миром по принципам высокой этики, которую мы называем интегральной, или софийной, этикой. Очевидно, в такой программе следует провести ревизию представлений о антропологической конституции человека и культуры, научиться различать в них высокие и низкие состояния.

Временные капсулы в культурно-исторической традиции

Естественно возникает естественный вопрос, как удерживать и гармонично изменять базовые ценности Софийного ключа во времени?

Говоря о семье как об основной ячейке общества или о роде, следует выделить базовую темпоральную область культурного обмена. Мы предлагаем считать эффективной областью культурно-исторического обмена все поколения родственников, одновременно живущие в одной семье (временная капсула), а это 3-5 поколений по 15-20 лет каждое (до внуков и правнуков), а число поколений зависит средней продолжительностью жизни людей. Тем самым временная капсула имеет размер порядка 80-100 лет, в ее масштабе в одной семье осуществляется воспитание и обучение новых поколений предыдущей традиции, адаптация старших поколений к инновациям новых поколений, проходящая в атмосфере глубокой эмпатии и любви к истории рода. Капсула времени движется в потоке истории, связывая времена в культуре. В России эти временные капсулы были в большой степени разрушены в период Октябрьской революции 1917 года, когда свое происхождение многие сознательно скрывали или легендировали, да и 1991 г. принес исторические претензии молодых к своим отцам и дедам, девальвируя связь времен. За пределами временной капсулы живут семейные предания, которые расширяют ауру капсулы в прошлое еще на 80 лет и так далее, если самый старший в

капсуле успевает передать традицию самому младшему. Эти живые родовые предания укрепляют идентичность народа, его ценности и историю, что прекрасно понимают народы Кавказа и Средней Азии. Не зря же ветхозаветный рецепт утверждает, что врага надо истреблять до седьмого колена, т. е. не просто нарушить временную капсулу, а уничтожить ее, прервав род и память о нем.

Воссоздание временной капсулы России

Сегодня речь идет о восстановлении исторической памяти страны, фактически о воссоздании ее капсулы времени в различных формах образования и воспитания в институциональных формах. На наш взгляд, в первую очередь и параллельно следует начать восстановление семейных временных капсул народа. Конечно, мы должны понимать и чтить дела и память предков на разных социальных масштабах. Ярким примером взлета благодарной памяти о подвиге нашего многонационального народа в Великой Отечественной войне в пределах временной капсулы являются миллионные манифестации Бессмертного полка как прорыв к нашему великому прошлому и жажды его нового обретения. В данном случае речь идет уже не о семейной или родовой капсуле времени, а о возрождении капсулы времени России как единого социального организма.

Софийная цивилизационная матрица России

Рассмотрим цивилизационный масштаб времени в оптике эпохи перестройки для всей Российской цивилизации за последние 400 с небольшим лет. Тогда прошлое – традиция в Российской империи, настоящее – поздний СССР, будущее – либеральная Россия. Подчеркнем, что в настоящем всегда есть корни прошлого и ростки будущего, и чтобы быть доказательными, мы поместили фазу «настоящее» на тридцать лет назад в эпоху перестройки, чтобы говорить о будущем как о нашей современности.

Рассмотрим 7 базовых категорий Софийного ключа как элементов антропокультурной системы, тогда связи между ними и систему в целом можно представить в виде матрицы 7x7 (рис. 2). Это

хорошо известный факт, что любой ориентированный граф (систему) можно представить некоторой матрицей попарных отношений элементов системы, расположенных по осям матрицы.

	Прошлое	Настоящее	Будущее	Высшее	Низшее	Внешнее	Внутреннее
Прошлое	++	++	+	++	++	+	+
Настоящее	--	++	+++	+	+	+	+
Будущее	--	++	++	0	0	0	0
Высшее	++	+	0	++	+	+	+
Низшее	++	+	0	+	++	+	+
Внешнее	++	+	0	+	+	++	+
Внутреннее	++	+	0	+	+	+	++

Рис. 2. Софийная цивилизационная матрица России за последние 125 лет

Назовем эту таблицу *Софийной цивилизационной матрицей* развития современной России, или ее культурным цивилизационным кодом (скорее всего, неполным). Мы специально взяли достаточно большой масштаб времени, включающий два цивилизационных разлома – революцию 1917 и революцию 1991 гг., но вполне соотносимый с семейной памятью в 4-5 поколений порядка 100 лет. Предыдущий разлом перехода от Московского царства Ивана Грозного к дому Романовых через Смутное время или реформы Петра мы сознательно не рассматриваем, они отделены от нас многими поколениями, а каждому разлому характерна стратегия стирания памяти о предшествующей эпохе, разрушении капсулы времени, что наблюдается и при смене правящих династий в Китае, и сегодня практически невозможно понять речь и ментальность русича времен опричнины или Куликова поля. В периодах спокойного развития большого отличия между прошлым – настоящим – будущим не обнаруживается и традиция воспроизводится, стабилизируется.

Таким образом, в современной России все еще живы культурные ценности и стратегии населения, их разделяющие, всех

трех эпох: дореволюционной России, Социалистической России и либеральной России, все они покрываются одной временной капсулой, а потому могут быть основой строительства будущего.

Отметим, что Запад все еще помнит Европу угасающей христианской традиции, но живет в капиталистической и вновь возвращающейся фашистской идеологии (как безысходной кризисной стадии капитализма), манифестации леволиберально-радикального ультраглобализма современности. Мы видим историко-культурный архетипический разлом между Западом и Россией, который лишь разрастается сегодня и вполне может быть использован и используется для военно-политической эскалации напряженности.

Подчеркнем, что в других цивилизациях матрицы будут иными, даже времен может быть разное количество в разных языках, также относительно буддистских традиций внутреннее будет превалировать над внешним, а для иных традиций высшее и низшее оказываются неразличимы и т. д.

Отметим еще раз, что это не матрица ценностей, но лишь часть матрицы культурного кода народа, в которой предъявляются также и его ценности. Софийная

цивилизационная матрица есть матрица отношений к базовым категориям времени, пространства и блага, в которых мы живем или жили. Эта матрица может отвечать разным религиям и мировоззрениям на всех этапах развития России последние 125 лет. Причем временные капсулы разных страт общества и разных народов России могут существенно отличаться, в чем есть особая сложность создания концепции единой исторической судьбы нашей многонациональной страны.

Что брать в наше будущее, сохранять и развивать

Таким образом, на памяти одной семьи, т. е. одной временной капсулы, происходит сплав ценностей и смыслов трех эпох, эпох высоких достижений и трагедий народа, и возникает вопрос, что же считать нашей традицией, точнее, как она может быть вновь отформирована, что мы возьмем в будущее из тысячелетней культуры? Важно, что это все еще живая традиция, т. к. ее носители транслируют ее в семейных поколениях, хотя государство всегда удерживало лишь одну доминанту из трех:

– во-первых, это *духовно-религиозная традиция* православия и других традиционных религий народов России, создавших многовековой союз культур и этносов на шестой части суши Земли, испытывающая возрождение после десятилетий гонений;

– во-вторых, это *великая светская русская культура* золотого и серебряного века, литература, искусство, музыка – последний взлет европейского гения, сгоревшего в Первой Мировой и череде последовавших революций и так и не возродившегося вновь. Как это ни парадоксально, последним хранителем европейской культуры был поздний СССР, самая читающая страна в мире;

– в третьих, это послереволюционная *научно-техническая традиция*, совершившая прорыв СССР в будущее, в космос и глубины материи, создавшая об-

ронный щит страны. Она сегодня вновь возрождается.

Что, на наш взгляд, является *основными стратегическими задачами* строительства будущего, помимо возрождения указанных трех направлений? Необходимо концептуализировать, сформировать и реализовать:

1. Целостную духовную личность, пребывающую в любви и творчестве с Богом, миром, ближним и дальним. Подлинное творчество в труде, искусстве, науке, спорте, общении всегда тренирует эмоционально-волевой модус, а также интуицию и эмпатию, что и является духовными компонентами личности. Здесь огромную роль должны сыграть все институты культуры, воспитания, образования, науки и религии.

2. Новую соборную систему народовластия, новую симфонию всех ветвей власти на базе Софийной этики. Древнее Вечевое, Копное право преобразилось в соборную форму, были проведены десятки соборов в доромановской Руси, а далее – земства, общинные сходы вплоть до Советов как основы СССР. Формы народного самоуправления всегда смягчали жесткость центральной власти, создавая обратную связь, параллельную государственно-бюрократической, но и власть умело манипулировала народными инициативами. Тем не менее вы не услышите плохих слов о Советах времен Союза, чего не скажешь о партии, которая якобы «была едина с народом», но им не являлась. Именно поэтому мечты о гражданском обществе не могут реализоваться в эпоху бездуховности, эгоизма и потребительства властей ни в одной стране. Подлинное народовладение – это удел просвещенного народа и совестливой власти, так рождается высокая меритократия. Это предстоит еще создавать в ближайшие годы, и дело в том, что временная капсула должна не разрушаться, как на прошедших исторических разломах, но быть синтезирована на лучших основаниях прошлого и настоящего, что

является предстоящим уникальным опытом, не имеющим аналогов в истории.

Сценарии Большого антропологического перехода: этические императивы и риски, типология цивилизационных сценариев

Концепция метаэтических ландшафтов позволяет выделить несколько принципиально различных сценариев прохождения человечеством Большого антропологического перехода [14]. Каждый из этих сценариев характеризуется особой конфигурацией этических приоритетов и соответствующими социальными и антропологическими последствиями.

Анализ современного состояния глобальной цивилизации через призму метаэтических ландшафтов выявляет несколько критических аномалий. Социальная амнезия, характеризующаяся утратой исторической памяти и разрывом с традицией, создает ситуацию, когда общество теряет способность учиться на собственных ошибках [4]. Футуроцид – отрицание или страх перед будущим – блокирует творческий потенциал и способность к долгосрочному планированию. Смерть нравственности, выражаясь в релятивизации этических категорий и отказе от различия добра и зла, подрывает основы социальной солидарности [14].

Эти аномалии не являются изолированными феноменами, но представляют собой взаимосвязанные аспекты системного кризиса современной цивилизации. Их преодоление требует не частичных реформ, но фундаментальной трансформации этических оснований общества. Именно эта трансформация составляет суть Большого антропологического перехода [15].

Важно отметить, что различные сценарии не являются взаимоисключающими. В реальности мы наблюдаем их одновременную реализацию в разных регионах мира и социальных стратах. Более того, между сценариями возможны переходы и гибридизация, что создает дополнительную сложность в прогнозировании будущего [4].

Альтернативные траектории развития человечества

На основе анализа метаэтических ландшафтов можно выделить несколько принципиально различных сценариев прохождения человечеством Большого антропологического перехода. Каждый из этих сценариев имеет свою внутреннюю логику, движущие силы и потенциальные последствия [14].

Первый сценарий – «война всех против всех» – представляет собой дистопический вариант, при котором разрушение традиционных этических систем не компенсируется созданием новых. В условиях отсутствия общепризнанных моральных авторитетов и ценностей социальная ткань распадается на атомизированных индивидов, борющихся за выживание. Этот сценарий характеризуется доминированием примитивных инстинктов, эскалацией насилия и в конечном итоге может привести к коллапсу цивилизации.

Исторические параллели этого сценария можно найти в периоды распада великих империй, когда разрушение централизованной власти приводило к хаосу и междуусобицам. Современные проявления этого сценария наблюдаются в регионах, охваченных гражданскими войнами и этническими конфликтами. Технологическое измерение этого сценария связано с киберпреступностью, информационными войнами и использованием технологий для деструктивных целей [17].

Второй сценарий – «животный мир» – предполагает редукцию человека к его биологической природе. В этом случае происходит отказ от высших духовных устремлений в пользу удовлетворения базовых потребностей [14]. Человек превращается в «счастливого раба», довольствующегося материальным комфортом и развлечениями, но утратившего способность к трансценденции и творчеству.

Этот сценарий во многом соответствует тенденциям современного общества потребления и может быть охарактеризован как «мягкий тоталитаризм», где контроль осуществляется не через прямое насилие, но через манипулирование желаниями и потребностями. Ключевую роль в реализации этого сценария играют технологии виртуальной реальности, создающие иллюзию полноценной жизни при фактической деградации человеческого потенциала.

Третий сценарий – «духовное возрождение» – предполагает преодоление кризиса через обращение к духовным основам человеческого существования. Это не означает простого возврата к традиционным религиозным формам, но предполагает творческий синтез духовной мудрости прошлого с достижениями современной науки и технологии. В рамках этого сценария происходит восстановление целостности человека, гармонизация его отношений с миром и обретение нового смысла существования.

Четвертый сценарий – «креативный переход» – связан с формированием нового типа человека и общества, основанных на принципах творчества и сотрудничества [14]. Этот сценарий предполагает не отказ от технологического прогресса, но его гуманизацию и подчинение целям человеческого развития. Ключевую роль здесь играют процессы самоорганизации и эмерджентности, когда из хаоса переходного периода рождаются новые формы социальной и культурной жизни.

Роль цифровизации и сетевых технологий в антропологической трансформации

Особое место в контексте Большого антропологического перехода занимает феномен цифровизации и развития сетевых технологий. С одной стороны, цифровые технологии создают беспрецедентные возможности для коммуникации, обмена знаниями и коллективного творчества [11]. Сетевая организация об-

щества потенциально способна преодолеть иерархические структуры доминирования и создать условия для более справедливого и демократичного социального устройства. С другой стороны, цифровизация несет в себе серьезные антропологические риски. Тотальная прозрачность и возможность всеобъемлющего контроля создают предпосылки для возникновения «цифрового концлагеря», где каждый шаг человека отслеживается и контролируется [18]. Делегирование все большего числа функций искусственному интеллекту может привести к атрофии человеческих способностей и утрате автономии.

Как отмечают исследователи, «цифровизация порождает экзистенциальные антропологические риски, связанные с выносом долговременной памяти в Google, клиповым сознанием и утратой способности к глубокой рефлексии» [15]. Погружение в виртуальные миры грозит разрывом с реальностью и потерей способности к подлинному человеческому общению.

Ключевой вопрос заключается не в том, принимать или отвергать цифровые технологии, этот процесс уже необратим, но в том, как сохранить человеческое измерение в условиях тотальной цифровизации [19]. Это требует развития новых форм «цифровой этики», способной регулировать отношения человека и машины, реального и виртуального, приватного и публичного.

Дирк Бекер показывает, что сетевая культура представляет собой новую форму социальной организации, которая требует новых форм рефлексивности и управления сложностью. В сетевом обществе традиционные механизмы контроля и координации оказываются неэффективными, что требует развития новых форм самоорганизации и распределенного управления.

Антропологические риски и вызовы переходного периода

Большой антропологический переход сопряжен с многочисленными рисками и

вызовами, которые затрагивают самые основы человеческого существования. Одним из ключевых рисков является утрата человеческой идентичности в условиях радикальных технологических и социальных трансформаций [20].

Концепция трансгуманизма, активно продвигаемая рядом исследователей и технологических визионеров, предполагает радикальное усовершенствование человеческой природы с помощью технологий [20]. Однако это порождает фундаментальные этические вопросы: останется ли усовершенствованное существо человеком? какова граница между терапией и улучшением? кто будет иметь доступ к технологиям усовершенствования?

Другим критическим риском является углубление социального неравенства. Технологический прогресс может привести к появлению «когнитивной элиты» – людей, имеющих доступ к технологиям усиления интеллекта, и «цифровых изгоев» – тех, кто остается за бортом технологической революции [18]. Это может привести к формированию кастового общества нового типа, где различия между людьми будут не только социальными, но и биологическими.

Экологические риски Большого антропологического перехода связаны с исчерпанием природных ресурсов и разрушением биосферы [21]. Парадоксально, но попытки решения экологических проблем через технологические инновации часто приводят к появлению новых, еще более сложных проблем. Это требует переосмыслиения самой парадигмы отношений человека и природы, перехода от антропоцентризма к космоцентризму или экоцентризму.

Психологические риски связаны с информационной перегрузкой, утратой способности к концентрации внимания, ростом тревожности и депрессии [19]. Постоянное пребывание в режиме много-

задачности и непрерывного потока информации приводит к когнитивному истощению и эмоциональному выгоранию. Это требует развития новых практик «цифровой гигиены» и восстановления баланса между виртуальным и реальным.

Выводы

На наш взгляд, важным сегодня является введение в учебные материалы по этике концепции Софийного ключа как способа сохранения, оживления и защиты традиционных культур и учений, возможности их адаптации и усвоения инноваций, сохраняющих ядро традиции. Идея движущейся в истории капсулы времени может стать образом поддержания любой культуры и восстановления ее потока во времени, ее функции связи времен и осознания себя человечеством единым сообществом метасубъектов культуры. Поскольку семейные временные капсулы незамкнуты, новые члены семьи появляются не только за счет деторождения, но и пополнения капсулы членами других семейных капсул через институт браков, возникают родовые, этнические, национальные и даже цивилизационные временные капсулы того же временного объема, что позволяет рассматривать временные капсулы разных уровней иерархии как субъектов эволюционного развития человечества. Еще один важный фактор непонимания будущего – как мы смотрели на настоящее из недалекого прошлого, когда вера в прогресс информационного общества создавала иллюзию решения всех проблем человека. Сегодня мы понимаем, что вызовы расчеловечивания, создаваемые сложным нейросетевым искусственным интеллектом, вполне соизмеримы с угрозами глобальной ядерной войны. Только здоровая традиция способна дать стратегии сохранения нашего вида и гармонизировать уже развивающийся человеко-машинный гибридный социум.

Список литературы

1. Буданов В. Г., Аршинов В. И. Большой антропологический переход: методология сложностно сетевого мышления: монография. Курск: Университетская книга, 2022. 129 с.

2. Апресян Р. Г., Гусейнов А. А. Этика. М.: Гардарики, 2000. 472 с.
3. Буданов В. Г. О возможности интегральной этики Большого антропологического перехода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 260-269.
4. Буданов В. Г. Этика целостного человека: после Большого антропологического перехода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 5. С. 266-277.
5. Геростергиос А. Юстиниан Великий – император и святой. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010. 448 с.
6. Шохин В. К. Введение в философию религии. М.: Альфа-М., 2010. 287 с.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 783 с.
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический Проект, 2013. 496 с.
9. Масуда Ё. Информационное общество как постиндустриальное общество. М.: ACT, 1983. 452 с.
10. Toffler A. The third wave. New York: Morrow, 1980. 544 p.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
12. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевая цивилизация и природа Большого антропологического перехода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 220-231.
13. Новый общественный договор / под ред. А. В. Щербакова, Л. А. Колесовой, В. Г. Буданова. М.: Грифон, 2020. 56 с.
14. Буданов В. Г., Аршинов В. И. Этические императивы сценариев Большого антропологического перехода // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2021. № 4. С. 45-51.
15. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевые информационные революции и Большой Антропологический Переход: эволюционный аспект // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. № 4. С. 40-51.
16. Морен Э. О сложности. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019. 272 с.
17. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: ACT, 2014. 528 с.
18. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
19. Асеева И. А., Белкина В. А. Критерии и показатели антропологической адекватности цифровизации в России // Науковедческие исследования. 2022. № 1. С. 8-44.
20. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14 (1). P. 1-25.
21. Пределы роста / Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Й. Рэндерс, В. Беренс. М.: Издательство Московского государственного университета, 1991. 208 с.

References

1. Budanov V.G., Arshinov V.I. The Great anthropological transition: a methodology of complex network thinking. Kursk: Universitetskaya kniga; 2022. 129 p. (In Russ.)
2. Apresyan R.G., Huseynov A.A. Ethics. Moscow: Gardariki; 2000. 472 p. (In Russ.)
3. Budanov V.G. On the possibility of integral ethics of a Large anthropological transition. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021;11(6):260-269. (In Russ.)
4. Budanov V.G. Ethics of a whole person: after the Great Anthropological Transition. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2022;12(5):266-277. (In Russ.)

5. Gerostergios A. Justinian the Great: Emperor and Saint. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja; 2010. 448 p. (In Russ.)
6. Shokhin V.K. Introduction to the Philosophy of Religion. Moscow: Alfa-M; 2010. 287 p. (In Russ.)
7. Bell D. The coming post-industrial society. The experience of social forecasting. Moscow: Academia; 1999. 783 p. (In Russ.)
8. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy. Becoming a printer. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2013. 496 p. (In Russ.)
9. Masuda E. Information society as a post-industrial society. Moscow: AST; 1983. 452 p. (In Russ.)
10. Toffler A. The third wave. New York: Morrow; 1980. 544 c.
11. Castells M. The Information Age: economics, society and culture. Moscow: GU VShE; 2000. 608 p. (In Russ.)
12. Arshinov V.I., Budanov V.G. Network civilization and the nature of the Great Anthropological Transition. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021;11(1):220-231. (In Russ.)
13. Shcherbakov A.V., Kolesova L.A., Budanov V.G. (eds.) The New social contract. Moscow: Grinton; 2020. 56 p. (In Russ.)
14. Budanov V.G., Arshinov V.I. Ethical imperatives of scenarios of a large anthropological transition. *Slozhnost. Razum. Postneklassika = Complexity. Mind. Postnonclassics.* 2021;(4):45-51. (In Russ.)
15. Arshinov V.I., Budanov V.G. Network information revolutions and the Great Anthropological Transition: an evolutionary aspect. *Slozhnost. Razum. Postneklassika = Complexity. Mind. Postnonclassics.* 2020;(4):40-51. (In Russ.)
16. Morin E. On complexity. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii; 2019. 272 p. (In Russ.)
17. Morozov E. The Internet is like an illusion. The reverse side of the network. Moscow: AST; 2014. 528 p. (In Russ.)
18. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo; 2016. 208 p. (In Russ.)
19. Aseeva I.A., Belkina V.A. Criteria and indicators of the anthropological adequacy of digitalization in Russia. *Naukovedcheskie issledovaniya = Scientific Research.* 2022;(1):8-44. (In Russ.)
20. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. *Journal of Evolution and Technology.* 2005;14(1):1-25.
21. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens V. Limits of growth. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta; 1991. 208 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Буданов Владимир Григорьевич, доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития, Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: budsyn@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2371-8659

Vladimir G. Budanov, Doctor of Sciences (Philosophy), Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Chief Researcher, Head of the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: budsyn@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2371-8659